

Негосударственные акторы в системе международных отношений цифровой эры: между комплексной взаимозависимостью и онлайн-суверенитетом

Павел Сергеевич Каневский, МГУ, Москва, Россия

Кирилл Евгеньевич Петров, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: kanevskiy@socio.msu.ru

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу глубинных изменений системы международных отношений, происходящих в условиях усиления роли цифровых акторов и платформ в формировании глобальной повестки. Появление Интернета стало поворотным моментом в процессе развития всей системы международной коммуникации: процессы и способы распространения информации, механизмы формирования общественного мнения видоизменились, а цифровые платформы стали новым фактором ускорения глобализации. Вместе с тем, как показывают авторы, первоначальная природа Интернета, которая рассматривалась США и странами Запада как составная часть и технология на службе либерального порядка, со временем стала отражением усиливающейся конфронтации между государствами, а также пространством распространения политических конфликтов, стереотипов и информационных войн. Кроме этого, новые цифровые олигополии стали формировать цифровое пространство исходя из своих корпоративных интересов, ставя на первое место усиление своего влияния на рынке, а не качество онлайн-дискуссий и укрепление гражданской демократической культуры. Военизация и секьюритизация Интернета является логичным продолжением кризиса мирового либерального порядка. На место комплексной взаимозависимости, в укреплении которой цифровые акторы и платформы сыграли важнейшую роль, все чаще приходит идея цифрового суверенитета, то есть отгораживания от единого коммуникационного пространства, равно как создание норм, защищающих государства и граждан от чрезмерного влияния корпораций. Авторы приходят к выводу, что мы переживаем закат эпохи информационной открытости. Деполитизация Интернета невозможна без снижения градуса международной напряженности и возвращения духа рационализма в мировую политику.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Интернет, цифровые акторы, цифровые платформы, международный либеральный порядок, цифровой суверенитет, система международных отношений

Глобальная информационная эпоха и ее смысл для международных отношений

В период ускоренной глобализации цифровизация и децентрализация систем коммуникаций ускорились, начав активно влиять как на внутренние процессы в национальных государствах (особенно на электоральные), так и на отношения между политическими сообществами¹. Глобальная информационная эпоха, как ее определяет Б. Симмонс, ознаменовалась появлением возможности для каждого создавать, передавать информационные, в т.ч. мультимодальные (текст-видео-звук) сообщения и, что не менее важно, получать доступ к информации глобально². Как один из результатов, легко контролируемые национальными элитами эфирные СМИ (радио и телевидение), которые доминировали в качестве средства распространения массовой общественно значимой информации всю вторую половину XX в., утратили свое влияние на повестку дня. Отлаженные механизмы фабрики «согласия и пропаганды»³ больше не производили востребованную публикой продукцию и, несмотря на все усилия элит, традиционные СМИ и новостные конгломераты перестали быть ключевым инструментом формирования общественного мнения.

В последнее десятилетие стало очевидно, что тон политической повестки дня задают и формируют цифровые платформы социальных медиа. Особенно ярко данный тренд проявился в 2015–2016 гг. в свете электоральной борьбы между Х. Клинтон, которая опиралась на традиционные для США медиа, и Д. Трампом с его армией поддержки в сфере цифровых социальных медиа. В современном коммуникационном пространстве сталкиваются различные мнения, эмоции и идентичности⁴ десятков миллионов пользователей-посетителей⁵. Политическая повестка живет в социальных медиа, цифровых коммуникационных платформах. Она определяется динамически, при помощи алгоритмов, разработанных технологическими корпорациями для привлечения и удержания пользователей, а также мематического⁶ потенциала контента, создаваемого и копируемого как рядовыми пользователями, так и знаменитостями с политиками.

С ослаблением роли прежних информационных «гейткиперов»⁷ в лице эфирных и высокотиражных СМИ именно НГО одними из первых получили преимущество за счет абсолютно новых инструментов влияния на публичную сферу и сферу принятия решений. Цифровизация, расширение масштабов и удешевление индивидуального доступа к глобальной сети несомненно усилили возможности неправительственных акторов и групп интересов в международном информационном пространстве.

Отмеченное усиление роли и потенциала влияния негосударственных акторов видоизменило механизм принятия решений на транснациональном уровне.

1 Dahlgren 2005; Chadwick et al. 2016; Thompson 2020.

2 Simmons 2011, 595 (*"the ability of individuals to create, transfer, and access information globally"*).

3 Herman, Chomsky 2002.

4 Fukuyama 2018.

5 Подробнее о концепции возникновения феномена Цифровой Агоры см.: Петров 2023.

6 Мем – термин, придуманный Р. Докинзом для объяснения процессов передачи информации в социальной коммуникации по аналогии с геном, передающим информацию в биологической среде.

7 Bro, Wallberg 2015.

Вместе с тем единого подхода к пониманию роли негосударственных акторов до сих пор не сложилось. Дж. Пигман считает, что необходимо изменить исследовательскую оптику. По его мнению, сегодня изучение международных отношений должно быть сосредоточено на «представительстве и коммуникации между глобальными акторами, включая государства, многосторонние институты, организации гражданского общества и крупные компании»¹. Дж. Уайзманн говорит о «многосторонней дипломатии как отношениях между государственными субъектами (государствами, группами государств или международными организациями) и негосударственными субъектами»². П.А. Цыганков, в свою очередь, справедливо отмечает, что «сегодня государства испытывают давление со стороны негосударственных игроков и их объединений. Символическими образами современного мира стали новые акторы, в числе которых – транснациональный олигархический капитал, политические институты, профессиональные организации, группы интересов, медиа, отдельные биржевые спекулянты, политически мотивированные амбициозные миллиардеры, террористические группировки»³. Иными словами, многоуровневая система международных отношений более не строится исключительно на межгосударственных связях, а включает в себя значительное количество негосударственных групповых интересов.

По словам П. Керра, «современная дипломатия является средством защиты интересов»⁴. Между деятельностью различных негосударственных групп и государств на международном уровне обнаруживается много общего – действия и тех и других направлены на продвижение и защиту собственных интересов. Группы интересов встраиваются в механизмы принятия внешнеполитических и межгосударственных решений. Государства, в свою очередь, вполне могут пользоваться сетями влияния, создаваемыми организованными группами в т.ч. с использованием цифровой инфраструктуры, с целью достижения своих внешнеполитических и внешнеэкономических целей. Становление и распространение технологий цифровой коммуникации и децентрализованных сетей потенциального влияния для множества субъектов требуют междисциплинарности в современных подходах к изучению международных отношений (*IR*), в особенности – к факторам влияния со стороны гибридного медиа-ландшафта.

В международной системе возникает новая инфраструктура, посредством которой осуществляется продвижение государственных и негосударственных интересов, происходит информирование официальных лиц и общества по поводу проводимой политики или продвигаемой точки зрения, возникают новые формальные и неформальные каналы коммуникации, посредством которых государства и негосударственные акторы взаимодействуют между собой, формируют повестку по тем или иным вопросам, участвуют в совместном поиске ответов на вызовы и принятии решений. Под воздействием развития информационных технологий и Интернета в корне меняется процесс коммуникации между государствами и негосударственными акторами, появляются новые средства

1 Pigman 2010, 11.

2 Wiseman 1999, 10–11.

3 Состоятельность государства 2017, 92.

4 Kerr 2010, 236.

формирования общественного мнения и мобилизации различных групп граждан, ускоряются процессы международных транзакций.

Наконец, вокруг дерегулированной природы Интернета была создана целая индустрия по сбору и обработке данных, которые используются технологическими гигантами для увеличения прибыли. Компании по агрегированию и анализу данных становятся клиентами как крупных корпораций, так и политических сил по всему миру, получающих в распоряжение эффективные инструменты микро-таргетирования своих потребителей или избирателей. Настоящая статья посвящена взаимодействию государственных и негосударственных акторов в контексте тренда цифровизации коммуникаций.

Главная цель данной статьи состоит в том, чтобы показать, каким образом усиление роли цифрового способа коммуникации, Интернета, цифровых глобальных платформ и возвышение технологических корпораций¹ повлияло на изменение структуры международных отношений, какие субъекты вовлечены в процессы информационного влияния и как государства пытаются выстроить свою регулятивную среду.

Методология исследования построена на комплексном анализе цифровизации и ее роли в формировании пространства взаимодействия между государствами и негосударственными акторами в системе международных отношений. На первом этапе децентрализация общественных коммуникаций изменила прежнюю систему формирования публичной и международной повестки, создав вызов суверенитету государственных акторов. Ее обзор мы приводим через описание влияния эффектов технологических инноваций на общества в исторической перспективе.

На втором этапе сформировались олигополии цифровых коммуникационных платформ (экосистем) под контролем технологических компаний преимущественно американского происхождения. Эти новые акторы стали наращивать влияние, смысл которого хорошо описывается через концепт мягкой силы².

Другим результатом этого тренда стало возникновение феномена *fake news*, эхо-камер внутри социальных медиа, радикализация и поляризация общественных настроений, а также расширение понятия иностранного вмешательства и серия ужесточений регулирования на национальном уровне. Последний процесс можно назвать «контртрендом цифровой ресуверенизации», в рамках которого государства пытаются вернуть себе влияние или по крайней мере обеспечить паритет возможностей³. Он рассмотрен на примере обзора направлений регулирования цифрового пространства коммуникаций в странах БРИКС.

Выделим отдельные элементы процесса цифровизации коммуникаций в контексте изучения международных отношений:

1) Цифровизация укрепила возможности сетевым образом устроенных организаций. Негосударственные акторы стали более влиятельными субъектами в процессах формирования внешнеполитической и внешнеэкономической стра-

1 Smyrniaios 2023.

2 Хороший обзор современного развития концепции Дж. Ная см.: Паршин 2020.

3 В сравнении с технологическими корпорациями и/или странами Запада, выступающими главными бенефициарами тренда. См., например: Thussu 2020.

тегии отдельных государств и международных организаций. Хотя спор о том, формируют ли новые цифровые медиа новый тип сетевых организаций (например, левопопулистской «Захвати Уолл-Стрит») или являются просто новым способом коммуникации внутри традиционных сетевых структур, остается открытым. Сегодня корпорации, НПО, аналитические центры оказывают порой решающее влияние на органы власти своих стран, которые формируют внешние стратегии государств. Наконец, в мире возникают новые сферы принятия решений, в которых официальные государственные структуры являются лишь одним из субъектов подготовки данных решений, наряду с негосударственными акторами формируя систему многостороннего управления (*governance*).

2) Цифровизация развивалась и продвигалась в рамках ставки западных государств, в особенности США, на либеральный мировой порядок после окончания холодной войны.

3) Цифровизация создала необычно сильные возможности для информационного влияния на личное и общественное мнение. Это дало старт гонке за контроль над Интернетом как новым средством достижения политических изменений. Так, технологические корпорации, создав привлекательные для миллионов пользователей цифровые экосистемы для общения, самоорганизации и экономического обмена, расширили возможности влияния на общества и международные отношения.

4) Создание цифровой общественной инфраструктуры. Наиболее успешными примерами являются порталы Госуслуги в России и *Gov.br* в Бразилии¹. Эти платформы к концу 2010-х гг. стали ключевым средством взаимодействия граждан с федеральным правительством, обеспечивая доступ к услугам. Госуслуги в России и *Gov.br* в Бразилии играют важнейшую роль в предоставлении различных государственных услуг и информации для общественного доступа, увеличивают скорость и эффективность коммуникации между гражданами и федеральным правительством.

5) Государства и межгосударственные организации все чаще осуществляют аутсорсинг ряда ключевых функций негосударственным акторам: транснациональным корпорациям, некоммерческим и правозащитным организациям, аналитическим центрам, частным армиям и т.д. В цифровом аспекте по этому пути идут, например, Индия, Россия, Бразилия. Эти страны сочетают политику активной роли государства в развитии инфраструктуры цифровых общественных благ и политику делегирования крупному национальному бизнесу решения вопросов развития архитектуры цифровой экономики через систему госконтрактов. При этом одна из сопутствующих задач для государства – превратить крупные корпорации в региональных или глобальных цифровых чемпионов.

6) Наконец, происходит ситуативное сближение интересов отдельных негосударственных групп и органов власти – первые все чаще выступают инструментами в руках национальных правительств, равно как, впрочем, и наоборот. Возникает симбиоз групповых и государственных интересов, что ведет к гибридизации международного пространства.

1 Согласно данным *SimilarWeb* на январь 2024 г., бразильский портал госуслуг является самым посещаемым в мире в своей категории – 176,3 млн ежемесячных посещений.

Технологический прогресс, глобальная сеть и мировой порядок

Описанные выше тенденции являются лишь частным, хотя и крайне важным случаем в долгой истории воздействия новых технологий на структуру международных отношений. Так, технологический прогресс, начиная с эпохи промышленных революций, был одним из ключевых элементов восхождения западных стран не только с экономической, но и с геополитической точки зрения. Сочетание экономической, технологической и военной мощи привело к тому, что уже к началу XIX в. в мире сформировался первый западоцентричный либеральный порядок, который позволил осуществить беспрецедентную по масштабу глобальную экспансию. Вопрос, почему именно Великобритания и последовавшие за ней страны Запада, смогли совершить индустриализацию и технологический скачок и получить огромные выгоды от т.н. великого расхождения¹, до сих пор является предметом обсуждений в среде историков и экономистов. Например, Дж. Голдстоун считает, что восхождению Великобритании в XVIII–XIX вв. способствовало уникальное сочетание «плюрализма, технического образования, экспериментальной науки и инноваций в коммерции, основанных на научном проектировании для экономического прогресса»². Данная комбинация затем стала образцом для подражания в различных частях света от Западной Европы и США до Японии и Российской Империи, показавших возможности успешной догоняющей модернизации.

Технологический прогресс шел рука об руку с усилением роли науки и инноваций в экономической и общественной жизни. Наибольшие успехи достигались там, где для этого создавались благоприятные институциональные условия, где была дана определенная свобода ученым, изобретателям и экономистам. Именно поэтому технологический прогресс напрямую связан с развитием либерализма. Причем либерализм в данном случае рассматривается прежде всего утилитарно, с точки зрения его способности создавать предпосылки для развития человеческого потенциала, креативности и прогресса, которые ведут к экономическому и технологическому развитию, а те в свою очередь становятся основой геополитического влияния в мире.

Ускорение глобализации, новые витки технологического развития, интернационализация промышленных цепочек, усиление координации между ключевыми центрами капиталистического развития во второй половине XX в. привели к новому витку развития либерального порядка. Долгое время конкуренцию либеральной модели развития составляла плановая модель советского типа. В отдельные периоды она демонстрировала способность к генерации прорывных идей и развитию передовых технологий в некоторых отраслях, например в аэрокосмической. Однако в долгосрочной перспективе советская модель проиграла в конкуренции с Западом, так как не смогла создать четкую и долгосрочную связку между наукой, технологическим развитием и экономическим ростом. Отчасти это объяснялось чрезмерной идеологизацией и бюро-

1 Pomeranz 2000.

2 Голдстоун 2014, 292.

кратизацией научно-технических отраслей¹, отчасти тем, что Советский Союз был слишком вовлечен в гонку вооружений, не стремясь вкладывать ресурсы в развитие внутренней экономики и бросать вызов ставшему очевидным доминированию Запада в общей структуре глобальной экономики.

Однако появление Интернета в корне отличалось от предыдущих волн технологических инноваций, которые в разные эпохи видоизменяли геополитическую и геоэкономическую картину мира. Интернет с самого начала своего появления был больше, чем просто технологией. В отличие от изобретений прошлого, которые способствовали преимущественно качественным изменениям в промышленном производстве, Интернет оказался новым словом в формировании информационных потоков.

Он представлял собой важнейшую технологическую инновацию, которая должна была стать новой опорой для быстро глобализирующегося международного пространства конца 1980–1990-х годов. Будучи изначально лишь инструментом обмена информацией между учеными и институтами, Интернет быстро превратился в один из главных движущих элементов усиления либерального порядка после окончания холодной войны.

В эпоху «конца истории» Интернет рассматривался на Западе в качестве ключевого инструмента либерализации и демократизации. Можно согласиться с мнением Г. Фаррелла и А. Ньюмана, что благодаря Интернету США смогли перенастроить возглавляемый ими либеральный порядок, веря в силу открытой коммуникации, которая со временем будет приводить к усилению демократии, а также распространению либеральных и демократических идей по всему миру².

Успех быстрого развития либерального порядка в 1990-е гг. был связан с тем, что в его основе лежало уникальное сочетание факторов: военной мощи США и их союзников, оказавшихся *де факто* победителями в холодной войне, экономического и технологического превосходства Запада. Западные стратеги делали ставку на дальнейшее распространение данной модели, а Интернет предоставлял для реализации этой стратегии абсолютно новые возможности. По словам Л. Даймонда, Интернет должен был стать «технологией освобождения»³, которая приведет мир к свободе и процветанию.

Построенный по принципам открытости, беспрепятственного обмена информацией и отсутствия внешнего контроля, Интернет стал новой платформой для усиления роли транснациональных сетей влияния, в которые входили и отдельные государства, и группы гражданского общества, и экономические акторы. Интернет стал новой движущей силой того, что Р. Кохейн и Дж. Най за два десятилетия до появления Интернета называли «комплексной взаимозависимостью». Комплексная взаимозависимость приводит к плюрализации международного политического пространства, изменению соотношения между «политикой низкого уровня» и «высокой политикой», которые больше не рассматриваются в иерархическом порядке, а негосударственные акторы получают больше возможностей быть полноценными участниками формирования глобальной по-

1 Chan 2015.

2 Farrell, Newman 2021, 337.

3 Diamond 2010.

вестки и принятия решений¹. Как тогда казалось, глобализация сетей влияния должна была привести к еще более ускоренной демократизации управления и либерализации экономики, усилению роли групп гражданского общества, большей свободе в процессах обмена информацией.

Иными словами, создавались все предпосылки для становления цифрового либерализма и цифрового либерального порядка. Это не означает, что Интернет в корне изменил структуру международной системы: скорее он стал дополнительным слоем комплексной взаимозависимости, значительно упростил коммуникацию и обмен информацией, усилил роль негосударственных акторов, однако он не освободился от политического влияния. Напротив, в самой природе Интернета была заложена амбивалентность, ведь он мог быть технологией освобождения в той же степени, в какой и технологией контроля.

Интернет был прежде всего американской и западной технологией, поэтому американские стратеги и политики с самого начала были нацелены на то, чтобы данная технология продолжала работать в интересах Запада. Это предпочтительное для США развитие цифровых коммуникаций может и должно приниматься во внимание при осмыслении роли новых медиа в исследованиях МО. В этом отношении изобретение сети Интернет и связанные с ним технологии информационных рынков как новая форма социальной власти могут быть рассмотрены как еще одно измерение для продвижения целей внешней политики США.

Данный подход предопределил отношение американцев к регулированию Интернета. Консенсус заключался в том, что его нужно оставить технологией максимально дерегулированной и в то же время находящейся под присмотром США, чтобы Интернет мог естественно поддерживать цифровой либерализм, будучи своего рода невидимой рукой либерализации и демократизации. В 1998 г. администрация президента США Б. Клинтона приняла решение передать контроль за Интернетом от Международного союза электросвязи (агентства ООН) частной калифорнийской компании *ICANN* (корпорация по управлению доменными именами и *IP*-адресами). *ICANN* отвечает за структуру Интернета и влияет на то, как развиваются связанные с ним технологии, включая протоколы именования, нормы обмена информацией и общие операционные стандарты. Среди ее задач – следить за сохранением саморегулируемости.

Интернет как фактор международной напряженности: случаи регулирования в странах Запада и БРИКС

США, будучи главным игроком в мире Интернета, создавая силами своих частных корпораций наиболее передовые и популярные онлайн-платформы и сервисы, получили в свои руки наиважнейший инструмент для усиления своего информационного, технологического и экономического влияния в мире. Дерегулированная природа цифрового либерализма создала парадокс – с одной стороны, Интернет стал важным двигателем демократизации и либерализации

1 Най 1989, 73.

по американскому сценарию, с другой стороны, это создало предпосылки его анархизации, что в итоге бумерангом ударило как по Соединенным Штатам, так и по международному либеральному порядку.

Структурные проблемы, заложенные в однополярной международной системе, дилеммы демократических интервенций, экономический кризис 2008 г. и последовавшие за ним социальные последствия, рост правого и левого популизма, антиглобализм и нативизм спровоцировали глубокий кризис международного либерального порядка и его ключевых элементов.

К концу 2000-х гг. многие государства начали осознавать, что Интернет-технологии могут стать мощным информационным оружием, способным менять политические режимы. По словам Ф. Говарда, Интернет играл ключевую роль во всех демократических транзитах на рубеже XX–XXI вв. – от оранжевых революций на постсоветском пространстве до «арабской весны»¹. На фоне роста геополитической напряженности между государствами, Интернет оказался в центре борьбы за умы граждан, так как многие государства видели в его либеральной и дерегулированной природе инструмент мягкой силы США и Запада, который начал угрожать стабильности и существованию нелиберальных режимов.

При этом многие государства начали экспериментировать с технологиями по регулированию контента, создаваемого пользователями, и «приземлению» компаний, предлагающих доступ к цифровым платформам социальных медиа. Один из важнейших мотивов таких действий – максимально оградить себя от информационного влияния стран Запада. Другой мотив – остановить бесконтрольное манипулирование рынками и ущемление индивидуальных прав, в том числе – права на защиту личной информации, со стороны олигополии или монополии технокорпораций². Персональные данные в условиях развития платформенной экономики превращаются в ценный ресурс, способный оказывать существенное влияние на конкурентную динамику рынка. Так, заметные шаги, нацеленные на защиту персональных данных и усиление антимонопольного контроля и борьбы с нечестными конкурентными практиками, предпринял Евросоюз, где достаточно рано почувствовали недоброжелательную конкуренцию со стороны американских технологических гигантов. В ЕС к 2016 г. был разработан рестриктивный по отношению к бизнесу цифровых гигантов регламент защиты данных (далее – *GDPR*)³.

Интернет из платформы для сотрудничества начал становиться ареной информационных войн и секьюритизации. В настоящее время именно страны объединения БРИКС являют собой лучший пример перехода к стратегии суверенизации цифрового пространства⁴. Однако часто за основу национального подхода берется именно регулирование ЕС. Здесь первопроходцем и наиболее жестким сторонником суверенизации и сверхрегулирования цифрового пространства, безусловно, является КНР⁵.

1 Howard 2010, 3–4.

2 Данилин 2022.

3 Европейский парламент и Совет Европейского союза приняли *General Data Protection Regulation* в апреле 2016 года. Он вступил в силу 25 мая 2018 г. как регламент ЕС, поэтому *GDPR* применяется напрямую и имеет силу закона, который отдельные государства-члены могут видоизменить лишь в ряде положений.

4 Thussu 2020.

5 Kokas 2023.

В Китае управлением цифровой сферой занимаются как партийные, так и государственные органы, что отражает специфику китайской партийно-государственной системы. Усиливающаяся внешнеполитическая конфронтация с США требует от правительства ответных действий, в т.ч. в области ограничения доступа к своим передовым технологиям. Как считает И. Денисов, фундаментальный подход нынешнего китайского руководства ставит на первое место безопасность, предпочитая ее развитию. С подачи Си Цзиньпина в рассуждениях о стратегии развития страны теперь широко распространено понятие «мышление, исходящее из нижней границы», что предполагает рассмотрение и учет наихудших вариантов развития ситуации¹.

Основу политики КНР в области регулирования Интернета, создания безопасной и контролируемой среды для цифровой экономики и защиты персональных данных составляют три закона.

Во-первых, это принятый в 2016 г. Закон о кибербезопасности, устанавливающий жесткие требования к обработке персональных данных, защите критической инфраструктуры, а также мерам реагирования на кибератаки. Закон определяет персональную информацию как информацию любого вида, в частности зафиксированную в электронном виде, которая достаточна для идентификации личности физического лица. Сбор такой информации и ее использование операторами должны быть прямо разрешены лицом, чья личная информация собирается.

Во-вторых, это закон о защите персональной информации, вступивший в силу 1 ноября 2021 года. Данный акт дополнительно регулирует сбор, обработку и использование персональных данных граждан КНР. Документ устанавливает строгие требования к получению согласия пользователя на обработку данных, обеспечению конфиденциальности, а также к способам хранения и передачи персональных данных. Закон также устанавливает механизмы наказания за нарушения конфиденциальности данных, что делает его эффективным инструментом защиты персональной информации граждан.

В-третьих, это закон о безопасности данных, вступивший в силу 1 сентября 2021 года. Он вводит систему классификации и уровней защиты данных, в зависимости от важности данных в экономическом и социальном развитии, а также от степени угрозы национальной безопасности, общественным интересам или законным правам и интересам физических лиц и организаций в случае их изменения, уничтожения, утечки или незаконного получения и использования. В законе отдельно сформулировано понятие «ключевых национальных данных», которые относятся к национальной безопасности, например, жизненно важных интересов национальной экономики, важных аспектов жизни населения и значимых общественных интересов, и подлежат особо строгой защите.

Другим случаем, заслуживающим внимания, является Бразилия. В отличие от Китая, в Бразилии в настоящее время нет попыток создания «суверенного Интернета», там отдается приоритет национальным платформам или целенаправленно происходит укрупнение игроков ИТ-рынка для облегчения контроля

1 Денисов 2023.

над ними через слияния и поглощения. С другой стороны, Бразилия ввела и совершенствует сильные протекционистские меры, а система приземления заставляет иностранные компании фактически становиться «бразильскими» за счет регистрации местных подразделений как отдельных юридических лиц. Лейтмотив сохранения политической стабильности состоит в том, как в Бразилии происходит опережающее развитие регулирования в области сбора и хранения персональных данных, а также идентификации. Общий закон о защите персональных данных (*LGPD*) Бразилии был во многом вдохновлен *GDPR* Евросоюза. С сентября 2020 г. он устанавливает правила сбора, обработки и хранения персональных данных¹. Закон касается всех компаний, осуществляющих свою деятельность в Бразилии вне зависимости от того, находится ее штаб-квартира или центр обработки данных в стране или за ее пределами.

Интересно отметить, что бразильский закон о защите данных дает определение конфиденциальных персональных данных, к которым относятся расовое или этническое происхождение, религиозные и политические убеждения, членство в профсоюзе и религиозной, философской или политической организации, данные, касающиеся здоровья и сексуальной жизни, а также генетические и биометрические данные. *LGPD* также делает акцент на несовершеннолетних: в их случае компании должны получить согласие родителей и собирать минимально возможный перечень данных, за исключением чрезвычайных ситуаций.

Можно сказать, что Бразилия отдает приоритет созданию широких возможностей как для донесения важной для государства информации до ключевых социальных страт посредством наиболее эффективных цифровых платформ, так и для конструирования ограничений по созданию и трансляции такого сигнала через механизмы экономического принуждения.

Отдельно стоит упомянуть об опыте федеративной Индии, в которой многоаспектность задач (в т.ч. социальных) правительства определила особенности регулирования цифровизации. Можно говорить о крайне активной роли государства в проектировании базовой цифровизации через развитие цифровых общественных благ с элементами высокой инклюзивности и фокусом на приоритетное развитие национального сектора цифровых сервисов.

При этом одна из задач государства – усиление потенциала крупных корпораций, их трансформация в национальных, а в перспективе и глобальных цифровых чемпионов. Крупный индийский бизнес уже традиционно является исполнителем многих ключевых госконтрактов.

Одновременно Индия не разрывает диалог с крупными иностранными корпорациями. Отличаются жесткостью лишь отношения с китайскими технокорпорациями и цифровыми сервисами, которых по сути выдавили с индийского рынка после обострения двусторонних отношений в 2020 году². В отношении западных корпораций есть тенденция к росту давления на зарубежные компании с целью повышения локализации их деятельности.

1 Персональные данные включают: имя, фамилию, номера документов, пол, дату и место рождения, номер телефона, домашний адрес, местоположение по *GPS*, фотографию, медицинскую карту, банковские карты, доход, потребительские привычки, *IP*-адрес, файлы *cookie* и другие сведения.

2 Kumar 2021, 169–205.

Цифровая ресуверенизация, с индийской точки зрения, включает в себя следующие составляющие: совершенствование общественных сервисов и инфраструктуры и сетевых сервисов крупных компаний, рост локализации западных корпораций, создание условий для роста рыночной взаимозависимости, усиливающей переговорные позиции страны.

Регулирование в сфере персональных данных определяется накопленным с 2000 г. пакетом норм, регуляторных и судебных практик. В 2023 г. утвержден проект рамочного Закона о защите цифровых личных данных. В целом Индия систематизирует свою политику и требования с акцентом на регламентацию управления данными, а не создание «идеальной» системы их защиты, а также локализацию их хранения.

Еще одним государством, в котором введено специальное законодательство для защиты персональных данных от злоупотреблений, является Южно-Африканская Республика. Южноафриканский закон *POPIA* по своим ключевым положениям похож на европейский аналог *GDPR*. Однако законодательство в ЮАР, например, не подразумевает экстерриториальное применение в случае предложения товаров или услуг, как это делает *GDPR* в отношении граждан ЕС. В законе также содержатся исключения, разрешающие использование персональных данных для журналистской, литературной деятельности и деятельности в сфере искусств, а также при работе с анонимизированными данными. Требования *POPIA* о назначении ответственного лица менее жесткие, чем требования в рамках европейского *GDPR*: ответственным лицом (*Information Regulator*) может стать руководитель организации, при этом не обязательно имеющий экспертизу в сфере обработки и защиты данных. В *GDPR* существует требование хранения записей об обработке персональной информации, в *POPIA* эксплицитного требования нет, нет также и списка конкретных сведений, которые должны быть сохранены. *POPIA* менее рестриктивен в отношении санкций за нарушения: в то время как в рамках *GDPR* предусмотрены крайне высокие штрафы, вплоть до 4% годового глобального оборота компании, в *POPIA* потолок штрафа определен в 10 млн рандов (около 500 тыс. долл.). Вместе с тем *POPIA* предусматривает в качестве меры ответственности тюремное заключение (до 10 лет), чего нет в *GDPR*.

Завершая обзор мер, предпринимаемых странами БРИКС для снижения своей зависимости от эффектов глобальной цифровизации, отметим, что взаимодействие в рамках цифровой инфраструктуры влияния складывается вокруг желания национальных государств ограничивать и контролировать распространяемый в Интернете контент и их возможности заместить цифровую среду, созданную техногигантами. Мы не разбирали случаи прямых блокировок инфраструктуры социальных медиа, как, например, решение в конце августа 2024 г. Верховного Суда Бразилии в отношении запрета X И. Маска. Однако стоит подчеркнуть, что несмотря на практику избирательных блокировок, технокорпорации и влиятельные цифровые сервисы, как например *Telegram*, могут выступать как соперниками, так и ситуативными союзниками национальных государств.

Как мы видим, цифровизация оборачивается не столько усилением взаимозависимости, сколько попыткой государств отгородиться от информационного влияния друг друга. Сегодня тренд на интернационализацию коммуникативного пространства заменяется трендом на суверенизацию.

Деструктивные эффекты роста влияния цифровой среды

Цифровизация размывает традиционные способы политической борьбы и политической коммуникации, усиливая конфликтность как на национальном, так и на международном уровнях. Интернет оказывается пространством, заполненным не только демократическими и либеральными ценностями, но также экстремизмом, популизмом, бесконечными проявлениями *hate speech* и фейками. В частности, пока цифровые корпорации придавали цифровой инфраструктуре современные черты, террористические и деструктивные сети уже использовали ее по своему усмотрению для вербовки сторонников и распространения радикальных и конспирологических нарративов. Тревожной тенденцией стали также изменения в США и в мире, последовавшие за терактами 11 сентября 2001 года. Данная атака привела к первой волне защитных реакций со стороны государств, что ознаменовало начало эпохи онлайн контроля и слежки за виртуальной активностью граждан. Не случайно именно в США был введен в действие «Патриотический Акт»¹, содержащий беспрецедентные полномочия по вмешательству в личную цифровую переписку граждан (и не только) для Агентства Национальной Безопасности (АНБ)².

Одновременно на начало XXI в. пришлось кардинальное усиление влияния крупных, преимущественно американских технологических корпораций³, которые освоили технологии сбора и анализа данных, что вкупе с развитием технологий больших данных и машинного обучения привело к эволюции «надзорного капитализма»⁴. АНБ на основе популярной инфраструктуры доступа к клиентским сервисам крупнейших американских ИТ-корпораций, включая *Yahoo*, *Microsoft*, *Apple* и *Google*, создало систему глубокого контроля ПРИЗМ, которая позволяла просматривать фактически весь пользовательский трафик. Публичный скандал, начавшийся после откровений Э. Сноудена о бесконтрольных правительственных системах цифровой слежки, усилил сохраняющееся давление общественности на законодательство 2001 года. Наиболее жесткие положения «Патриотического Акта» при администрации Б. Обамы потеряли свою силу после принятия в 2015 г. т.н. *USA FREEDOM Act*⁵.

Постепенно цифровые корпорации обеспечили удобное посредничество в создании пользовательского контента, возможность быстрой интерактивности между пользователями. Новые медиатехнологии усилили способность отдельного человека устанавливать сетевые связи с другими пользователями. За последние примерно 16 лет в конкуренции за мировой рынок были успешно внедрены, как минимум, две прорывные инновации, серьезно изменившие социальные отношения и сдвинувшие баланс интересов в политике. Первая технология – это алго-

1 Официальное полное название законодательного акта: "Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001".

2 АНБ – структура, формально подчиненная Министерству Обороны США.

3 Уже к 2014 г. *Google* встал в ряды крупнейших корпоративных лоббистов и мог позволить себе тратить миллионы долларов на лоббирование в правительстве США вопросов занятости, политики на рабочих местах, регулирования конкуренции и налоговой политики, чтобы защитить свой статус. См.: Tom Hamburger and Matea Gold, "Google, Once Disdainful of Lobbying, Now a Master of Washington Influence," *The Washington Post*, April 12, 2014, accessed July 15, 2024, https://www.washingtonpost.com/politics/how-google-is-transforming-power-and-politicsgoogle-once-disdainful-of-lobbying-now-a-master-of-washington-influence/2014/04/12/51648b92-b4d3-11e3-8cb6-284052554d74_story.html.

4 Зубофф 2022.

5 Официальное полное название законодательного акта: "Uniting and Strengthening America by Fulfilling Rights and Ensuring Effective Discipline Over Monitoring Act."

ритмизация доступа пользователей к индивидуальной ленте информационных и рекламных сообщений. Бесконечно масштабируемые алгоритмы постоянно готовы выдавать пользователям медиаплатформ информацию по принципу положительной обратной связи и технологий *look alike* («наподобие»)¹. Вторая – это активно развивающиеся в настоящее время генеративные нейросети и сверхбольшие лингвостатистические модели, чаще всего называемые ИИ. Возможность коммерциализации технологий многоцелевого ИИ исключительно важна для захвата нового глобального рынка. Американские корпорации Алфавит, контролирующая большую часть глобального рынка интернет-поиска, и Майкрософт после покупки стартапа *Open-AI* находятся во главе гонки. Другие американские и ряд китайских и российских компаний стараются не допустить критического отставания от первопроходцев в области ИИ.

Несмотря на весь технологический прогресс из цифрового пространства для свободного обмена мнениями и дискуссий Интернет все чаще превращается в поле бесплодных и ожесточенных информационных баталий. Интернет-коммуникации способны усиливать поляризацию, превращаясь в пространство эхо-камер, в которых люди объединяются по идеологическим и ценностным пристрастиям, предпочитая слышать и доверять только единомышленникам, тем самым существенно усиливая социально-политические расколы. Например, в США политико-идеологическая поляризация американских избирателей бьет исторические рекорды. Сторонники республиканцев и демократов имеют разные ценности и по-разному выстраивают приоритеты в развитии страны². В Европе успехи антиэлитарных партий на выборах, например, «Альтернативы для Германии», «Пяти звезд» в Италии или «Vox» в Испании, часто прямо основаны на игнорировании традиционных медиа и фокусировке на интернет-кампаниях³.

Современный Интернет, стоящий на службе корпораций и государства, – это гигантская машина по сбору и анализу данных, которая создает предпосылки для упрощения и алогоритмизации политики. Всеобщая зависимость от цифровых коммуникаций сделала западные сообщества крайне чувствительными к экологическому состоянию информационной среды. Дж. Де Риддер считает, что дезинформация в буквальном смысле загрязняет нашу информационную среду. В результате людям приходится прикладывать гораздо больше усилий для фильтрации эпистемически достоверных ответов от недостоверных. Дж. Де Риддер уверен, что дезинформация имеет системные последствия для нашей информационной среды, делая нас всех уязвимыми⁴. Даже Ю. Хабермас, один из главных сторонников идеи делиберативной демократии, в своей последней крупной работе признал, что Интернет не стал новым словом в развитии демократии⁵. Ю. Хабермас считает, что публичное пространство эпохи цифровизации обладает рядом дисфункций, качество публичной коммуникации и публичных деба-

1 Popov, Iakovleva 2018.

2 "As Partisan Hostility Grows, Signs of Frustration with the Two-Party System," Pew Research Center, August 9, 2022, accessed August 5, 2024, <https://www.pewresearch.org/politics/2022/08/09/as-partisan-hostility-grows-signs-of-frustration-with-the-two-party-system/>.

3 Cepreev et al. 2018.

4 De Ridder 2021.

5 Habermas 2023.

тов снижается, публика становится более конфликтной, что в итоге приводит к многочисленным сбоям в демократическом управлении¹.

Вместе с тем проблема цифрового антилиберализма не в злонамеренном поведении технологических корпораций, отдельных государствах или социально-политической поляризации как таковых. В цифровую эпоху меняется природа демократии и процессов подготовки и принятия решений. Если в традиционных представительных демократиях на первое место выходили культура дискуссии и компромисса, политика цифровой эпохи построена на сиюминутных устремлениях, страхах и предвзятостях электората. Как показала Э. Эпплбаум, либеральная демократия хрупка, и при соблюдении ряда условий любое общество может отвернуться от демократии². Чем дальше развивается цифровая коммуникация, тем очевиднее, что характерные для второй половины XX в. формы демократического управления ее не переживут. Прежние формы контроля популистских настроений не работают, а бывшие либералы отказываются от своего политического кредо, чтобы сохраниться.

Заключение

Изобретение Интернета оказало по-настоящему революционный эффект на развитие глобальной коммуникации и всей системы международных отношений. Пройдя путь от малозаметной технологии для нужд армии и ученых до обволакивающей всю землю коммуникационной сети, Интернет осуществил глубинную трансформацию в процессах получения и обработки информации, формирования повесток дня. В настоящее время цифровая инфраструктура системно влияет на то, как принимают решения все люди на планете, от обычного гражданина до президента страны.

Интернет, будучи американской технологией, открыл новый и важнейший этап на пути технологического прогресса Запада. Быстро поняв его невероятный потенциал, США попытались сделать все для того, чтобы Интернет стал спутником глобальной демократизации и либерализации, развития рынков и свобод граждан. Этим объясняется децентрализованная природа Интернета, поддержанная США и международным сообществом в 1990-е гг. на волне усиления глобального сотрудничества и взаимозависимости.

Однако по мере изменения структуры международных отношений, постепенного роста напряженности между государствами, усиления роли транснациональных корпоративных гигантов вплоть до формирования олигополий, намеренно создающих критическую зависимость от своих сервисов, сбоях в процессах демократизации и рационализации политики по всему миру, Интернет раскрыл свою оборотную сторону. Это ведет к хаотизации международного информационного пространства, отгораживанию государств от глобальной информационной инфраструктуры, формированию бесконечных эхо-камер и усилению цифрового популизма, ставшего спутником популизма политического. Более того, произошла очевидная военизация и секьюритизация Интернета, который стал

1 Ibid.

2 Applebaum 2020.

рассматриваться разными государствами скорее как орудие противостояния и пропаганды, нежели чем инструмент сотрудничества и свободного распространения информации. Разворачивается очевидный конфликт между суверенизацией цифрового контроля и битвой за глобальные рынки со стороны государств и технокорпораций, за обладание явным технологическим преимуществом по администрированию критически важных для экономик и обществ сервисов. В настоящее время государства и корпорации одновременно поддерживают и бросают вызов друг другу в качестве новых «гейткиперов» в гибридной цифровой медиасреде, например, в вопросах доступа пользователей, конфиденциальности данных и шифрования каналов передачи информации.

В то же время в этой роли им бросают вызов и негосударственные субъекты, например, группы, которые пытаются разработать собственные архитектуры шифрования, электронные нефтяные валюты или децентрализованные платежные системы.

Вероятно, мы наблюдаем закат эпохи информационной открытости, что является одним из симптомов глубокого кризиса международного либерального порядка с его идеями универсализма и рационального поведения акторов в условиях взаимовыгодной взаимозависимости.

Возможно ли изменение природы Интернета вслед за изменением динамики международных отношений? Будет ли возвращение к отдельным элементам первоначальной природы децентрализованного онлайн пространства следствием очередного витка глобальной децентрализации? На сегодняшний день это скорее гипотетические вопросы, однако Интернет не более чем инструмент в руках людей. Очевидно, что деполитизация Интернета крайне затруднительна без снижения градуса международной напряженности, а возможность установления международного режима вокруг цифрового пространства эфемерна из-за слишком разнонаправленных усилий национальных государств в области регулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Голдстоун, Джек. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850. М.: Издательство Института Гайдара, 2014.

Goldstone, Jack. *Why Europe? The Rise of the West in World History, 1500–1850*. Moscow: Gaidar Institute Press, 2014 [In Russian].

Данилин, И.В. Борьба с интернет-монополиями в Китае и США // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Том 66. № 10. 73–80.

Daniilin, Ivan V. "Fighting Internet Monopolies in China and the U.S." *World Economy and International Relations* 66, no. 10 (2022): 73–80 [In Russian].

Денисов, И.Е. Китайская стратегия «больших данных»: реформа управления, инновации и глобальная конкуренция. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2023.

Denisov, Igor Y. *Kitajska Strategija "Bol'shij Dannuh": Reforma Upravlenija, Inovacii i Global'naja Konkurencija*. Moscow: MGIMO-University Press, 2023 [In Russian].

Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022.

Zuboff, Shoshana. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. Moscow: Gaidar Institute Press, 2022 [In Russian].

Най, Дж. С. Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12.

Nye, Joseph S. "Vzaimozavisimost' i izmenjajuschajasja Mezhdunarodnaja Politika." *World Economy and International Relations*, no. 12 (1989) [In Russian].

Паршин, П.Б. Мягкая сила в лабиринте дискуссий. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2020.

Parshin, Pavel B. *Soft Power in the Labyrinth of Discussions*. Moscow: MGIMO-University Press, 2020 [In Russian].

Петров, К.Е. Вызовы агоры цифрового общества // Политика. 2023. № 4. С. 7–30.

Petrov, Kirill Y. "Vyzovy Agori Cifrovogo Obschestva." *Politika* 4 (2023): 7–30 [In Russian].

Сергеев, В.М., Казанцев, А.А., Петров, К.Е., Медведева, С.М. Кризис партийно-политической системы в США и странах ЕС: причины и характеристики // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 130–149.

Sergeev, Victor M., Kazantsev, Andrey A., Petrov, Kirill Y., and Svetlana M. Medvedeva. "Krisis Partijno-Politicheskoy Sistemi v SShA i Stranah ES: Prichini i Harakteristiki." *Polis. Political Studies* 2 (2018): 130–149 [In Russian].

Состоятельность государства и национальные интересы России в глобальном мире: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2017. № 3. С. 90–136.

"The Viability of the State and the National Interests of Russia in the Global World: A Moscow University Political Science Round Table." *Moscow University Journal. Political Sciences* 3 (2017): 90–136 [In Russian].

Applebaum, Anne. *Twilight of Democracy: The Seductive Lure of Authoritarianism*. Anchor, 2020.

Bro, Peter, and Filip Wallberg. "Digital Gatekeeping: News Media versus Social Media." In *The Future of Journalism: In an Age of Digital Media and Economic Uncertainty*, edited by B. Franklin. Routledge, 2015.

Chadwick, Andrew, Dennis, James, and Amy P. Smith. "Politics in the Age of Hybrid Media: Power, Systems, and Media Logics." In *The Routledge Companion to Social Media and Politics*, edited by Axel Bruns, Gunn Enli, Eli Skogerbo, Anders Olof Larsson, and Christian Christensen. Oxon: Routledge, 2016: 7–22.

Chi Ling Chan. "Fallen Behind: Science, Technology, and Soviet Statism." *Intersect* 8, no. 3 (2015): 1–11.

Dahlgren, Peter. "The Internet, Public Spheres, and Political Communication: Dispersion and Deliberation." *Political Communication* 22, no. 2 (2005): 147–162.

De Ridder, Jeroen. "What's so Bad about Misinformation?" *Inquiry* (2021): 1–23. <https://doi.org/10.1080/0020174X.2021.2002187>.

Diamond, Larry. "Liberation Technology." *Journal of Democracy* 21, no. 3 (2010): 69–83.

Farrell, Henry, and Abraham L. Newman. "The Janus Face of the Liberal International Information Order: When Global Institutions Are Self-Undermining?" *International Organization* 75 (2021): 333–358.

Fukuyama, Francis. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. Farrar, Straus and Giroux, 2018.

Habermas, Jürgen. *A New Structural Transformation of the Public Sphere and Deliberative Politics*. New York: John Wiley & Sons, 2023.

Herman, Edward S., and Noam Chomsky. *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. New York: Pantheon Books, 1988.

Howard, Philip N. *The Digital Origins of Dictatorship and Democracy: Information Technology and Political Islam*. Oxford University Press, 2010.

Kerr, Pauline. "Diplomatic Persuasion: An Under-Investigated Process." *The Hague Journal of Diplomacy* 5, no. 3 (2010): 235–261. <https://dx.doi.org/10.1163/187119110X508512>.

Kokas, Aynne. *Trafficking Data: How China is Winning the Battle for Digital Sovereignty*. Oxford University Press, 2023.

Kumar, Sangeet. *The Digital Frontier: Infrastructures of Control on the Global Web*. Indiana University Press, 2021.

Pigman, Geoffrey A. *Contemporary Diplomacy*. Maiden, MA: Polity, 2010.

Pomeranz, Kenneth. *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton University Press, 2000.

Popov, Artem, and Daria Iakovleva. "Adaptive Look-Alike Targeting in Social Networks Advertising." *Procedia Computer Science* 136 (2018): 255–264.

Simmons, Beth. "International Studies in the Global Information Age." *International Studies Quarterly* 55, no. 3 (2011): 589–599.

Smyrniaios, Nikos. "The GAFAM, between Structural Influence and Hegemonic Crisis." *Pouvoirs* 185, no. 2 (2023): 19–30.

Thompson, John B. "Mediated Interaction in the Digital Age." *Theory, Culture & Society* 37, no. 1 (2020): 3–28.

Thussu, Daya K. "BRICS De-Americanizing the Internet?" In *BRICS Media*, edited by Daya K. Thussu, and Kaarle Nordenstreng. Routledge, 2020: 280–301. <https://dx.doi.org/10.4324/9780429468759-21>.

Wiseman, Geoffrey. "'Polylaternalism' and New Modes of Global Dialogue." *Center for the Study of Diplomacy. Discussion Papers* 59 (1999).

Сведения об авторах

Павел Сергеевич Каневский,

к.полит.н., доцент Кафедры современной социологии социологического факультета

МГУ имени М.В. Ломоносова,

119234, Россия, Москва, ул. Колмогорова, 1с33

e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Кирилл Евгеньевич Петров,

к.полит.н., старший научный сотрудник Центра исследований политических элит ИМИ, МГИМО

МИД России,

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: originalkir@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 30 июля 2024.

Переработана: 14 сентября 2024.

Принята к публикации: 29 сентября 2024.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Каневский, П.С., Петров, К.Е. Негосударственные акторы в системе международных отношений цифровой эры: между комплексной взаимозависимостью и онлайн-суверенитетом //

Международная аналитика. 2024. Том 15 (3). С. 37–56.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-3-37-56>

Digital Actors and Digital Platforms in the System of International Relations: Between Complex Interdependence and Online Sovereignty

ABSTRACT

The article analyzes deep changes in international relations that are taking place in the context of the increasing role of digital actors and platforms in shaping the global agenda. The emergence of the Internet was a turning point in the development of the entire system of global communications. The Internet changed the way information is spread and public opinion is shaped, while digital platforms became a new factor of globalization. At the same time, as the authors demonstrate, the original nature of the Internet, which was viewed by the United States and the West as an integral part and technology of the liberal order, in the end started to reflect the increasing confrontation between states, and became a space for the spread of political conflicts, stereotypes and information wars. In addition, new digital oligopolies began to shape the digital space based on their corporate interests, prioritizing their market share rather than the quality of online discussions and the strengthening of the civic democratic culture.

The weaponization and securitization of the Internet is a logical continuation of the crisis of the global liberal order. The complex interdependence, which was strengthened by digital actors and digital platforms, is increasingly being replaced by the idea of digital sovereignty. States aim to decouple from a single communicative space and to create norms protecting them and their citizens from the excessive influence of the Big Tech. The authors conclude that we are experiencing the sunset of the era of information openness. Depoliticization of the Internet is impossible without reducing international tension and reviving the spirit of rationalism in world politics. Only through getting back to reason can we return to the Internet the role of a creative, rather than destructive technology.

KEYWORDS

Internet, digital actors, digital platforms, international liberal order, digital sovereignty, system of international relations

Authors

Pavel S. Kanevskiy,

PhD (Polit. Sci.), Associate professor, Department of Sociology Moscow State University,
1/33, Kolmogorova Steet, Moscow, Russia, 119234

e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Kirill Y. Petrov,

PhD (Polit. Sci.), Senior Researcher, Center for Political Elites Studies,
Institute for International Studies, MGIMO University,
76, Vernadsky Avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: originalkir@gmail.com

Additional information

Received: July 30, 2024. Revised: September 14, 2024. Accepted: September 29, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Kanevskiy, Pavel S., and Kirill Y. Petrov. "Digital Actors and Digital Platforms in the System of International Relations: Between Complex Interdependence and Online Sovereignty."

Journal of International Analytics 15, no. 3 (2024): 37–56.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-3-37-56>